

Научная статья

УДК 343.97

Doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).4.633-640

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПНОСТИ

Анатолий Николаевич Сухов¹

¹ Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Россия, a.suhov@365.rsu.edu.ru

Аннотация. В статье раскрывается актуальность исследования проблемы преступности, ее сущность, рассматриваются возможности социально-психологического подхода к пониманию преступности. При этом анализируются трудности, которые имеют место при определении понятия, структуры, изучении различных видов преступности. С их преодолением связана эффективность борьбы с преступностью. В силу этого наиболее важной задачей является создание социально-психологической теории преступности. В то же время теория различных видов преступности – составная часть общей теории и практики ее превенции.

Ключевые слова: преступность, вид, понятие, сущность, теория, системный анализ, компетентность, социально-психологический подход

Для цитирования

Сухов А. Н. Социально-психологический анализ преступности // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30(1–4), № 4. С. 633–640. DOI: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).4.633-640.

Original article

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF CRIME

Anatolij Nikolaevich Suhov¹

¹ Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russia, a.suhov@365.rsu.edu.ru

Abstract. The article reveals the relevance of the study of the problem of crime, its essence. The possibilities of a socio-psychological approach to understanding crime are considered. At the same time, the difficulties that occur in defining the concept, structure, and study of various types of crime are analyzed. The effectiveness of the fight against crime is connected with their overcoming. Because of this, the most important task is to create a socio-psychological theory of crime. At the same time, the theory of various types of crime is an integral part of the general theory and practice of its prevention.

Keywords: crime, type, concept, essence, theory, system analysis, competence, socio-psychological approach

For citation

Suhov, A. N. 2022, 'Socio-psychological analysis of crime', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 4, pp. 633–640, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).4.633-640.

Традиционные подходы, ориентированные на понимание индивидуального криминального поведения, не в состоянии объяснить масштабы, характер, механизмы и формы проявления современной преступности. В настоящее время наиболее приемлемым является социально-психологический взгляд на природу данного социального явления. В связи с этим социальная психология преступности должна стать полноценной отраслью и занять подобающее место в учебном процессе, науке и практике [7]. Социальная психология позволяет сформулировать более или менее адекватное понимание природы не только общеуголовной, но и организованной преступности на основе анализа ее признаков, структуры и механизма [3].

О социальной психологии преступности можно говорить в разных аспектах. Она существует в виде теории, учебной дисциплины и практики. В силу этого структуру социальной психологии преступности образуют теоретические, методические и практические составляющие. При этом каждый из них имеет свою подструктуру.

Проблема преступности является составной частью предмета юридической психологии. Это понятно и объяснимо. Однако, кроме этого, юридическая психология занимается расследованием, судопроизводством, ресоциализацией лиц, совершивших преступления, и деятельностью персонала правоохранительных органов. Лишь одна отрасль юридической психологии – криминальная психология непосредственно исследует проблемы преступности. Все остальные отрасли юридической психологии, скорее, имеют отношение к обеспечению различных видов безопасности государства, экономики, общества и личности. Такую точку зрения на предмет юридической психологии мы высказывали и раньше и считаем ее правомерной. Именно безопасность является конечной целью деятельности всех правоохранительных органов. При этом только на

первый взгляд кажется, что можно обойтись без криминальной психологии при обеспечении различных видов безопасности. На самом деле криминальная психология – это исходная точка. Не зная природы преступности, криминальных угроз, нельзя говорить всерьез о безопасности. Однако исследователей подстерегают трудности. Они носят теоретический характер и касаются как юридической психологии в целом, так и криминальной в частности. В основном криминальная психология базируется на общепсихологической теории, теории личности, клинической психологии и т. д. Об этом говорят известные теории отклоняющегося поведения личности, например агрессии, аддиктивного поведения. Но можно ли с помощью данных теорий в полном объеме объяснить природу современной преступности? Ответ очевиден – нет, хотя и пытаются применить психоанализ для интерпретации организованной преступности. Известны и прямо противоположные случаи, например, в книге Э. М. Шоу «Наше преступное общество».

В ряде стран широкую известность получили криминологические теории, связанные с учетом экономических, социальных факторов и условий при анализе преступности. Нельзя сказать, что Россия в этом плане является исключением. Тем не менее до сих пор в криминальной психологии доминирует личностный подход к анализу преступности. На дворе XXI век. Это время не только прогресса, но и невиданных конфликтов, санкционных войн и тотальной агрессии, террора и экспансии, глобализации мира, экономики и политики. В связи с этим можно утверждать, что понимание современной преступности невозможно без обращения к социальной психологии. Она обладает наиболее адекватными возможностями для интерпретации преступности XXI в. Это не голословные утверждения, а вывод, основанный на знании того, что реально происходит в области экономики и общества и что может сделать социальная психология для понимания причин криминализации этих областей. Таким образом, в структуру традиционной криминальной психологии должен войти раздел «Социальная психология преступности» и занять подобающее место в учебном процессе и науке.

Современная преступность далека от классической, традиционной. Этот факт признают и сами правонарушители. Она модернизирована, легализована, адаптирована и присутствует практически во всех сферах. Современная преступность – это не только уличная и бытовая преступность. Это и получение прибыли за счет выпуска и реализации контрафактной продукции, которая в различных сферах достигает колоссальных масштабов, и картельные сговоры относительно цен на бензин, телефонные услуги и стоимости метра жилья и т. д.

В литературе, как научной, так и публицистической, по-прежнему наблюдается подмена организованной преступности общеуголовной. Например, когда говорят об истории преступности в России, ограничиваются лишь хронологией развития общеуголовной преступности. Однако в этой сфере в настоящее время произошли реформы, появились «новые воры в законе», а старые понятия уже не действуют. Главное заключается в том, что статус «вора в законе» в иерархии организованной преступности изменился радикально. Не видеть этого, делать вид, что криминальная ситуация по сравнению с прошлым осталась прежней, значит, грешить против истины.

Таким образом, традиционные теории преступности объясняют только общеуголовную преступность, не затрагивая при этом природу организованной преступности. Ограниченность – главный их недостаток. Второй их недостаток связан с тем, что они сводят криминальное поведение, преступность к личностному аспекту, что далеко не так на самом деле. При этом преступления часто связывают с психофизиологически-

ми и индивидуально-психологическими особенностями личности. Что же касается собственно социально-психологических исследований этих явлений, то они встречаются крайне редко.

Сложилась традиционные подходы к пониманию преступности: криминологический, социологический и психологический. С позиции этих подходов решаются вопросы, связанные с определением преступности, понятием причин и механизмов ее возникновения и функционирования. Однако научные публикации на этот счет далеко не всегда устраивают профессионалов. Ранее уже говорилось, что они не в полной мере отражают природу современной преступности. Складывается впечатление, что теория сама по себе, а преступность сама по себе, и они между собой не пересекаются.

К сожалению, в отечественной психологической и криминологической литературе довольно долгое время имели место дискуссии о роли биологических и социальных факторов в возникновении преступности. Декларировалось, что в основе преступности лежат социальные причины, но дальше деклараций дело не шло. В результате выходило, что преступность есть, но ни биологические (роль генетики также отрицалась), ни социальные причины к преступности отношения не имеют. Беспричинная получалась какая-то преступность, виртуальная. Однако если и назывались какие-то общего характера, следовательно, мало о чем говорящие причины преступности, то все их многообразие в основном сводилось к индивидуальным особенностям, то есть психологии личности преступника. До последнего времени, за редким исключением, почти не отмечался выход за рамки традиционного понимания преступности, но без этого нельзя. Лишь междисциплинарный подход позволяет ее объяснить.

Важное место среди других наук, занимающихся анализом преступности, принадлежит социологии и социальной психологии. Среди теорий преступности наиболее продуктивными и многочисленными являются именно социально-психологические теории. При попытке обоснования понятия «преступление» возникают сложности. Прежде всего проблемы связаны с тем, что многие преступления остаются нераскрытыми и незарегистрированными, а осуждение того или иного преступника может зависеть от объективности системы уголовного правосудия. В связи с этим давно ведутся дебаты о том, что такое преступность (Mannheim, 1965; Bottomley, 1979; Young & Matthews, 1992).

История организованной преступности описана в работе Х. Мессика и Б. Голдбланда «Бандитизм и мафия», основанной на документах, опубликованной в журнале «Иностранная литература» (1992 г. № 11-12. С. 229–281). Строго говоря, мафия – это название сицилийской преступной группировки. Однако по мере распространения влияния мафии это слово стало нарицательным. Позднее мафия переросла в национальный преступный синдикат, который называли «Синдикат», «Товарищество», «Коза nostra», «Ндрагетта», «Каморра», «Сакра Корона Юнити» и т. д. Основная сфера преступной деятельности итальянской мафии – контрабанда наркотиков, оружия и алкоголя, игорный, мусорный и строительный бизнес, рэкет, отмывание денег и контроль над проституцией. Структура организации, руководство ею, сферы влияния приобрели международный характер.

Долгое время история мафии была покрыта тайной в силу действия обета молчания (омерты) ее членов. Мафия в США возникла в результате массовой итальянской иммиграции в Америку в конце XIX в. Во время действия сухого закона мафия в США полностью контролировала теневой алкогольный бизнес и достигла успехов. После окончания действия сухого закона мафия в США претерпела трансформацию. Интересы, доходы и функции контроля современной американской мафии носят глобальный характер.

Понятно, что история восточной мафии неотделима от истории мафии в Японии («Якудза», «Борекудан»), Корею, Афганистане и на Ближнем Востоке. Особого внимания заслуживает детальный анализ истории афганской и ближневосточной мафии. Это связано с необходимостью повышения эффективности борьбы с международным терроризмом и наркобизнесом [5].

На уровне личности все происходит просто: преступление – это ее решение о тактике поведения в конфликте, точнее, о выборе способов разрешения конфликта. Если личность может сказать «нет», несмотря на то что хочется, то никакого криминала произойти не может. Но если не может, то конфликт приводит к преступлению, поскольку избраны такие способы разрешения конфликта, которые носят криминальный характер.

Деструктивный внутриличностный конфликт – это принятие решения личностью под влиянием деформированных социальных представлений о достижении негативных целей с помощью противоправных и аморальных средств. Он возникает тогда, когда личность в условиях принятия решения о выборе средств достижения цели не может сказать себе «нельзя делать то, что расходится с нормами права и морали». Вместо этого она говорит «можно» все для реализации любых желаний, влечений, планов и т. п. Никаких фильтров, табу, ограничений, запретов. Полный «беспредел». Это происходит не только в силу действия фрейдовской формулы внутриличностного конфликта между Иго, Эго и Супер-эго, где бессознательные инстинкты (в основном сексуальные, то есть Иго) доминируют и диктуют правила поведения.

На самом деле деструктивный внутриличностный конфликт связан с социально-психологической структурой личности, деформацией когнитивной, ценностно-смысловой сферой (смысловых конструкторов), социальных представлений. В этом случае «перевернутый мир» становится нормальными картинами мира, конструктами, «воровские законы» – единственными законами, которые следует соблюдать. Для такой личности нет «зеленой черты», переступать которую нельзя, когнитивного диссонанса, то есть совести. Они «крутые», «борзые». Им все позволено. Закон для них «не писан», просто не существует. К сожалению, мало кто из преступников признает себя виновным. Не лишне повторить для ясности, что этот когнитивный эффект сравним с осколком в глазу Кая из «Снежной королевы» Г. Х. Андерсена.

В то же время может происходить блокировка позитивных действий, связанных с самоактуализацией. В этих условиях на всю мощь «работает» внутриличностный деструктивный конфликт [8]. Однажды в школе произошел такой случай. Мама одного из учеников вышла на перемене из буфета, где она работала. Сын в ее отсутствие раздал бесплатно много конфет своим одноклассникам. О пропаже тут же узнали. Стали спрашивать школьников: «Почему они вяли конфеты?». Ответ таков: «Нам дали – мы взяли». Лишь один сказал: «Не платил, потому не взял». Нетрудно догадаться, какой из конфликтов лежал в основе поведения абсолютного большинства учеников. Конечно, деструктивный. Поступок только одного ученика явился следствием конструктивного конфликта.

Деструктивный внутриличностный конфликт напрямую зависит от деформации социальных представлений. В свою очередь, существует четко выраженная связь между деформацией социальных представлений и деформацией социальных ценностей. Это с одной стороны. С другой стороны, деформация социальных ценностей возникает не в вакууме, не в пустоте. Она определяется деформацией социальных отношений, институтов и групп. Такая причинно-следственная связь получается.

В основе деструктивных конфликтов лежит общепризнанный факт, связанный с принятием решения о совершении проступка, криминального действия. Речь идет о способе разрешения внутриличностного конфликта. В данном случае от личности требуется совершить выбор между социально-позитивными нормами и криминальными. Эту альтернативу приходится решить в пользу или закона, или его нарушения любому лицу независимо от статуса, образования, возраста, семейного положения и т. д. Во многих случаях данная дилемма под влиянием различных факторов решается не в пользу закона. Многие не могут отказать и сказать себе, что нельзя переходить на красный свет, делать что-то безнравственное, брать взятки и пр.

Происходит это в силу различных причин – корысти, моды, безнадежности, когда других шансов и вариантов не остается, влияния криминальной субкультуры, которая одобряет отклонение и поощряет крутизну. Деструктивный внутриличностный конфликт прямо коррелирует с деформацией социальных представлений об успехе и карьере и связан с безнравственной и криминальной моделями их достижения [6].

Преступление как юридический факт – это действия, содержащие состав преступления и признанные таковыми в судебном порядке. С точки зрения философии, психологии, этики, преступление – это факт не только юридического, но и психологического, нравственного порядка, который характеризуется борьбой мотивов, когнитивным диссонансом, значимыми переживаниями: чувством вины, совести, позитивной ответственности безотносительно к тому, дана ли этому событию юридическая оценка. Однако такой подход к измерению преступления юристы считают неприемлемым, так как он может привести к произволу.

Однако существует презумпция невиновности. Вина может быть установлена лишь в судебном порядке. Тем не менее литература (например, роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») и психоанализ заставляют говорить о преступлении не только в юридическом смысле. Преступление, за исключением отдельных случаев, – это исход деструктивного внутриличностного конфликта. Можно сказать, что преступление – это деструктивный конфликтный способ удовлетворения потребностей, достижения целей. Однако возникает вопрос, с каких позиций (то есть социальных представлений) рассматривать деформацию личности. Для одних это действительно личностная и профессиональная деформация. Это никуда не годно, неприемлемо. Для других наоборот – квалификационный рост стервозности, проституированности, криминальной карьеры, неограниченных возможностей. Они убеждены – это то, что надо, классно. Деструктивный внутриличностный конфликт прямо коррелирует не только с деформацией социальных представлений о моделях достижения успеха, но и с криминальной карьерой [6].

На уровне группы механизм преступления иной. Он не всегда зависит от личности. Соучастие возникает как на добровольной, так и на принудительной основе с помощью шантажа, слухов, насилия, мошенничества и т. п. На уровне организаций, институтов механизм преступности включает в себя комплекс факторов и условий.

Преступность существует на различных уровнях, поэтому организованную следует рассматривать на транснациональном, национальном, региональном, корпоративном и личностном. Что касается общеуголовной преступности (различные виды мошенничества, насилия, аддиктивного поведения и т. д.), то она выступает как массовое, групповое, межличностное и индивидуальное явление. Причины и механизмы организованной и общеуголовной преступности далеко не одинаковы и неоднозначны. В чем-то они совпадают, но в основном расходятся. Так, в качестве механизма как организованной, так

и общеуголовной преступности выступает криминогенное общение. Но в рамках организованной преступности оно используется более квалифицированно, профессионально.

Как уже отмечалось, механизм преступности носит как добровольный, так и принудительный характер. К числу средств добровольного приобщения к преступному миру (асоциализации) относятся: криминальная мода, наколки, жаргон, одежда и другие атрибуты. Ясно, что во многом эти явления имеют социально-психологическую природу, что лишний раз говорит о необходимости социально-психологического подхода к пониманию преступности. Современное криминогенное общение – это особый вид общения, который используется для подготовки, конспирации и совершения преступлений и деструктивных конфликтов на более профессиональном уровне. Оно выполняет те же специфические функции, что и раньше, но их возможности значительно, к сожалению, возросли [9]. Криминогенное общение по-разному проявляется в межличностных, групповых, семейных, организационных и массовых деструктивных конфликтах.

Выводы и перспективы развития социальной психологии преступности как отрасли

Таким образом, социальная психология преступности как отрасль может и должна быть реализована в различных форматах, в том числе в рамках криминальной психологии в виде одного из ее разделов. Природу преступности адекватно понять и объяснить можно лишь с позиции социальной психологии. В частности, социально-психологическая компетентность сотрудников правоохранительных органов позволяет раскрыть все ухищрения, тайны, связанные с подготовкой, совершением и сокрытием преступлений при помощи традиционных и современных средств криминогенного общения. В контексте антикриминальной безопасности изучение накопленного опыта борьбы с преступностью имеет огромное теоретическое и практическое значение.

Список источников

1. Босхолов С. С. Проблемы законодательного обеспечения борьбы с организованной преступностью // Совершенствование борьбы с организованной преступностью и наркобизнесом : материалы Всерос. межвед. науч.-практ. конф. (Москва, 16–17 дек. 1997 г.). М. : Московский институт МВД России, 1998. Вып. 1. С. 28–39.
2. Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2003. 572 с.
3. Сухов А. Н. Социальная психология организованной преступности : монография. М. : Юнити, 2017. 158 с.
4. Сухов А. Н. Организованная преступность и коррупция // Российский следователь. 2015. № 14. С. 18–21.
5. Сухов А. Н. Организованная преступность: исторический аспект // Российский следователь. 2019. № 1. С. 65–69.
6. Сухов А. Н. Успех, карьера и развитие: социально-психологический аспект. М. : Московский психолого-социальный университет, 2016. 169 с.
7. Сухов А. Н. Социальная психология преступности : учеб. пособие. М. : Московский психолого-социальный университет, 2007. 568 с.
8. Сухов А. Н. Социальная конфликтология : учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 255 с.
9. Сухов А. Н. Традиционные и современные средства криминогенного общения // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2020. № 3. С. 267–272.

References

1. Bosholov, S. S. 1998, 'Problems of legislative support for the fight against organized crime', in *Improving the Fight against organized crime and drug trafficking: Materials of the All-Russian Interdepartmental Scientific and Practical Conference (Moscow, Dec 16-17. 1997)*, iss. 1, pp. 28–39, Moscow Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow.
2. Dolgova, A. I. 2003, *Crime, its organization and criminal society*, Russian Criminological Association, Moscow.
3. Suhov, A. N. 2017, *Social Psychology of Organized Crime: monograph*, Unity, Moscow.
4. Suhov, A. N. 2015, 'Organized Crime and Corruption', *Russian Investigator*, iss. 14, pp. 18–21.
5. Suhov, A. N. 2019, 'Organized Crime: a Historical Aspect', *Russian Investigator*, iss. 1, pp. 65–69.
6. Suhov, A. N. 2016, *Success, career and development: socio-psychological aspect*, Moscow Psychological and Social University, Moscow.
7. Suhov, A. N. 2007, *Social Psychology of crime: textbook*, Moscow Psychological and Social University, Moscow.
8. Suhov, A. N. 2021, *Social Conflictology: a textbook*, UNITY-DANA, Moscow.
9. Suhov, A. N. 2020, 'Traditional and modern means of criminogenic communication', *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 3, pp. 267–272.

Информация об авторе

А. Н. Сухов – доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой социальной психологии и социальной работы.

Information about the author

A. N. Suhov – doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Social Psychology and Social Work.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 23.05.2022; одобрена после рецензирования 25.06.2022; принята к публикации 20.10.2022.

The article was submitted 23.05.2022; approved after reviewing 25.06.2022; accepted for publication 20.10.2022.